УДК 327.57 + 327.7 + 621.64. + 620.9

В. А. Кузьмин,
И. Ю. Миронова

ТОПЛИВНЫЕ РЕСУРСЫ В ШОС – СВЯЗУЮЩИЙ ФАКТОР ИЛИ ЯБЛОКО РАЗДОРА?

На уровне ШОС имеются серьезные предпосылки для интеграции в энергетической сфере. Это связано с такими факторами, как наличие экспортеров и потребителей энергоресурсов среди стран-членов, возросшее внимание представителей стран — членов организации к вопросам региональной энергетической интеграции и закрепление принципов интеграции в документах. На практике тем не менее вместо согласования интересов существует определенная конкуренция между странами — поставщиками энергоресурсов. В статье рассмотрены причины и возможные последствия такой конкуренции.

Ключевые слова: ШОС, Россия, Китай, энергетика, нефть, газ, трансграничные трубопроводы.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), образованная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана, считается одной из наиболее перспективных международных организаций. Приоритетными для ШОС являются задачи обеспечения стабильного развития и безопасности государств-членов.

В связи с этим важна роль энергетики, так как именно энергетика в последние годы рассматривается как неотъемлемое условие государственной безопасности — как для стран — экспортеров энергоресурсов (так называемая «безопасность спроса», security of demand), так и для импортеров («безопасность поставок», security of supply). Тем знаменательнее, что среди стран-членов имеются как поставщики энергоресурсов (Россия, Казахстан, Узбекистан), так и крупный, все растущий импортер (Китай). Раз имеются общие и взаимодополняющие интересы, развитие энергетических рынков в регионе должно послужить укреплению отношений в рамках организации. Однако, как показывают последние события, существует конкуренция трубопроводов не только на западном направлении (например, проекты газопроводов «Набукко» и «Южный Поток», посредством которых планируется поставлять газ на европейский рынок), но и на восточном направлении (газопровод «Алтай», идущий из Западной Сибири на северо-запад Китая, и газопровод «Центральная Азия — Китай»).

В данной статье мы рассмотрим, каково же в действительности значение энергетического фактора для развития отношений между странами — членами ШОС. Для этого нам придется обратиться к структуре и документам организации, чтобы проследить, какая роль отведена энергетике, а затем, основываясь на обзоре событий последних лет, сделать выводы о реальной роли энергетики в отношениях между странами — членами ШОС.

© Кузьмин В. А., Миронова И. Ю., 2010

Говоря об энергетических связях внутри ШОС, по сути, мы должны во многом отталкиваться от двусторонних отношений между Россией и Китаем. Россия имеет определенные интересы относительно стран, ранее входивших в СССР. Это обусловлено такими реалиями, как, во-первых, оставшаяся после распада СССР инфраструктура, соединяющая эти страны с Россией; во-вторых, так называемое «ближнее зарубежье» — очень важное направление внешней политики России в целом. Китай также имеет определенные интересы в центральноазиатских государствах как в экономическом плане, так и в политическом. И Россия, и Китай должны сбалансировать влияние США в данном регионе. Таким образом, ШОС является своеобразным средством регулирования иногда общих, иногда пересекающихся интересов двух стран в Евразии [6, *150*].

В развитии организации можно отметить тенденцию движения от обсуждения вопросов терроризма-сепаратизма-экстремизма к более широкому кругу вопросов по безопасности и далее — от типичного многостороннего сотрудничества в сфере безопасности к включению в повестку дня вопросов энергетического сотрудничества. Если в Декларации о создании ШОС энергетическая сфера лишь упоминается в ряду других (например, культура, образование, транспорт, экология и т. д.; также см. рис. 1) [2], то уже в 2007 г. в ходе саммита в Бишкеке лидеры ШОС решили создать общий энергетический рынок посредством «сопоставления энергетических стратегий в рамках ШОС» [1].

Рис. 1. Организационная структура ШОС
(по состоянию на 2009 г.; источник: http://www.sectsco.org/)

В. Путин активно поддерживал идею создания такого «энергетического клуба» еще до начала саммита [6, *150*]. На саммите в Екатеринбурге, прошедшем

в 2009 г., идея энергетического сотрудничества была развита еще далее; так, помимо сотрудничества в энергетической сфере акцент сделан также на эффективности и экологической безопасности энергоснабжения [4], которые стали лейтмотивом международных конференций, посвященных будущему мировой энергетики.

В целом можно сделать вывод, что на уровне организации имеются серьезные предпосылки для интеграции в энергетической сфере. Это связано с несколькими факторами, в том числе:

— с наличием среди стран — членов ШОС как (потенциальных) экспортеров, так и потребителей энергоресурсов;

— ростом значимости энергетического фактора для концепций безопасности (развитие понятия «энергетическая безопасность»);

— возросшим вниманием представителей стран — членов организации к вопросам региональной энергетической интеграции как вследствие развития полемики на международном уровне, так и вследствие развития национальных стратегий энергетической безопасности;

— как следствие, с закреплением принципов интеграции в энергетической сфере в документах организации.

Прежде чем обратиться к характеристике регионального рынка энергоресурсов, стоит сказать, что нефть и газ должны рассматриваться отдельно. Международные рынки нефти и газа значительно отличаются. Если нефтяной рынок более свободный, основанный на спотовых ценах, то торговля природным газом, за исключением североамериканского и британского рынков, происходит преимущественно на основании долгосрочных контрактов. Связано это прежде всего со способами транспортировки: нефть движется как по трубопроводам, так и перевозится посредством морского и железнодорожного транспорта; газ транспортируется преимущественно по трубопроводам, а технологии транспортировки танкерами сжиженного природного газа (СПГ) требуют значительно бóльших расходов (транспортировка СПГ осуществляется в криогенных контейнерах, поддерживающих температуру −162 °C). Следовательно, чтобы быть конкурентоспособными, поставки СПГ могут быть запущены только при высоких ценах на трубопроводный газ. В ситуации недостаточных или прерванных поставок либо резкого скачка спроса намного проще перенаправить танкеры с нефтью или СПГ или привлечь дополнительные, а вот трубопроводы не дают возможности увеличить объемы поставок в короткий срок; они связывают стороны на очень долгое время, не давая странам гибкости в их торговых сделках. Таким образом, преобладание морского транспорта в нефтяной отрасли дает ей возможность стать мировой, в то время как мирового рынка природного газа не существует.

В этом контексте мы будем говорить о формировании регионального рынка энергоресурсов. Несмотря на существующие предпосылки к сотрудничеству и интеграции в энергетической сфере между странами — членами ШОС в реальности существует определенная конкуренция между поставщиками энергоресурсов. Ниже постараемся проследить, как отличается ситуация на нефтяных и газовых рынках в регионе.

Первый трансграничный нефтепровод, несущий нефть в Китай, был сдан в эксплуатацию в 2006 г. Это нефтепровод Казахстан — Северо-Западный Китай, и помимо казахской нефти с побережья Каспийского моря он поставляет также нефть из Западной Сибири. В нефтяных поставках на северо-запад Китая страны достигли определенной степени взаимопонимания, не говоря уже об интеграции трубопроводных систем. Пропускная способность нефтепровода — 20 млн т в год. Учитывая, что потребление нефти в Китае в 2008 г. составило 376 млн т [7, *12*], а импорт — 217 млн т [Там же, *20*], трансграничные нефтепроводы не играют ключевой роли для Китая. На мировом уровне начало экспорта восточносибирской нефти существенно скорректировало расстановку сил, так как эта нефть оказалась дешевле ближневосточной. Таким образом, поставки нефти в Китай стимулируют конкуренцию (вспомним дебаты о необходимости экспортной пошлины для восточносибирской нефти в России), но эта конкуренция только укрепляет региональный нефтяной рынок.

В России существуют два варианта поставок природного газа в Китай — западный, «Алтай» (из Западной Сибири в Синьцзян), и восточный — ответвление от газопровода Сахалин — Хабаровск — Владивосток в Дацин (рис. 2). Согласно Рамочному соглашению, подписанному Газпромом и CNPC (Китайской национальной нефтяной компанией) в Пекине осенью 2009 г., каждый трубопровод должен доставлять около 30 млрд куб. м газа ежегодно и поставки должны начаться к 2015–2016 гг. Газопровод «Алтай» должен быть присоединен

Рис. 2. Пути российского экспорта природного газа в Китай и Азиатско-Тихоокеанский регион (источник: http://www.gazprom.ru)

к китайской трубопроводной системе Запад — Восток и транспортировать природный газ из Западной Сибири [3, *94*], восточный — должен обеспечить ресурсную базу для «возрождения индустриальной колыбели Китая» в трех северо-восточных провинциях [5]. С завершением строительства газопровода Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай пропускной способностью 30 млрд куб. м в год смысл строительства магистрального газопровода «Алтай» из России пропал, так как открывшийся в декабре газопровод поставляет газ для все той же системы Запад — Восток, пропускная способность которой в настоящее время не превышает 17 млрд куб. м в год, а с учетом строящихся новых ниток может достичь 40–45 млрд куб. м в год [8, *1*]. В такой ситуации России не остается ничего другого, кроме как сфокусироваться на восточном варианте экспорта газа в Китай и снизить планку желаемых объемов экспорта в этом направлении в два раза. Таким образом, налицо конкуренция стран — экспортеров природного газа, когда дело касается поставок на растущий китайский рынок.

Обозрение, представленное выше, позволяет сделать вывод о том, что вопросы торговли природным газом и интеграции регионального газового рынка являются более проблемными, чем вопросы торговли нефтью. Для проектов газопроводов неотъемлемой частью становится такое понятие, как соперничающий газопровод. При этом очень часто в политике стран-экспортеров (в особенности в российской энергетической политике) *de facto* наблюдается подход «все или ничего», т. е. либо максимально возможные поставки по российскому сценарию (и под российским контролем), либо полный отказ от сотрудничества. Такая ситуация наблюдается с уже упоминавшимися газопроводами «Набукко» и «Южный Поток», проект объединения которых был гневно отвергнут Газпромом. Теперь нужно разобраться, какие силы являются движущими при возникновении конкурирующих проектов и почему конкурирующие проекты появляются вообще.

Теоретически страны должны стремиться к диверсификации, чтобы обеспечить свою безопасность, это касается как импортеров, так и экспортеров. Тогда так называемая «битва трубопроводов» подрывает энергетическую безопасность региона. С другой стороны, есть такой фактор, как «экономика масштабов» (economies of scale), который заставляет поставщика строить трубопровод наибольшего возможного диаметра. Этот фактор заключается в следующем: стоимость трубопровода находится в прямой зависимости от его диаметра, в то время как пропускная способность с увеличением диаметра растет в геометрической прогрессии, что позволяет возместить затраты на строительство трубопровода в гораздо более сжатые сроки после ввода в эксплуатацию. Следовательно, когда появляются проекты, они пытаются максимально покрыть существующий на данной территории спрос. Это приводит к тому, что возникает не один, а два проекта, способных удовлетворить спрос, например северо-запада Китая, в природном газе.

Для того чтобы торговля через трубопровод пошла, необходимы еще и сформированный рынок, и распределительная инфраструктура на конце импортера. Другими словами, если электричество на данной территории в импортирующей стране вырабатывается из других источников (гидро-, уголь), не планиру-

ется открытия новой (использующей газ) электростанции, нет перспектив индустриального развития, способствующего повышению потребления электроэнергии, а у местного населения нет (ценового) стимула к переключению на газ в домашних хозяйствах, то *нет возможности использовать этот импортный газ*. Таким образом, когда существуют два проектируемых газопровода на северо-запад Китая, которые нацелены на один и тот же рынок, то при запуске одного из них второй теряет всякий смысл, так как рынок невозможно сформировать в сжатые сроки.

Что же толкает страны к конкуренции, а не согласованию интересов посредством, например, строительства трубопроводов из труб меньшего диаметра либо совместного строительства части газопровода? В контексте ШОС с политической точки зрения возможность независимых от России экспортов энергоресурсов кажется весьма привлекательной перспективой для центральноазиатских государств. До открытия газопровода Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай природный газ из центральноазиатских государств экспортировался исключительно по территории России и по ценам, продиктованным либо одобренным Россией. Это мотивирует страны к строительству объектов, никак не связанных с российскими ресурсами и не проходящих по российской территории. С другой стороны, как для России, так и для государств Центральной Азии важно не оказаться сырьевым придатком Китая, и в связи с этим государства должны крепко увязывать социально-экономические цели с возможностью получения быстрой выгоды от продаж. Этот фактор и должен быть ключевым в формировании общей политики стран — экспортеров не только природного газа, но и энергоресурсов в целом в рамках ШОС.

Можно сделать вывод, что в настоящее время идет интеграция (формирование) регионального рынка энергоресурсов. Прежде всего это будет означать интегрированную систему трубопроводов и общие механизмы ценообразования. Конкуренция здесь может сыграть как позитивную, так и негативную роль — либо позволит Китаю «выбрать» поставщика, тем самым прекратив процесс интеграции, либо запустит механизм конкуренции, который, в свою очередь, будет стимулировать инновационную деятельность и социально-экономическое развитие, являющиеся приоритетами для стран — членов ШОС.

---

1. Бишкекская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. 16 августа 2007. URL: http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=11 (дата обращения: 25.01.2010).

2. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. 15 июня 2001. URL: http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=83 (дата обращения: 25.01.2010).

3. *Добрецов Я., Канторович А., Молодин В. и др.* Магистральный газопровод «Алтай» и перспективы выхода России на энергетический рынок АТР и развития транзитных регионов // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3. С. 90–100.

4. Екатеринбургская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. 16 июня 2009. URL: http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=230 (дата обращения: 25.01.2010).

5. *Тарасюк А.* Экономический потенциал Северо-Восточного Китая и его влияние на

развитие сотрудничества с приграничными регионами России // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 97–108.

6. *Boon von Ochssée T., Mironova I.* The Prospects for Gas Market Integration between Russia and China // IGU Mag. Spring 2010. P. 144–161.

7. BP. Statistical Rev. of World Energy, June 2009.

8. *Mironova I.* Russia and China: An Overview of the Developments on the Gas Fronts // Eurasia Energy Observer. 2010. 17 March. № 39. P. 1–2.

Рукопись поступила в редакцию 26 марта 2010 г.

УДК 37.035.43(5-015) + 37.035.43(470)

А. В. Лямзин

ОБРАЗ РОССИИ В УЧЕБНИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН ШОС

Содержание национальных учебников центральноазиатских государств указывает на существующее в этих государствах достаточно последовательное стремление сформировать собственные основания исторической памяти. Это наиболее эффективный способ объединения людей: формирование представлений об общем прошлом и создание образа врага, которым в новых учебниках становятся императорская Россия и СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Центральная Азия, Россия, колонизация, национально-освободительная борьба, восстание 1916 г., Рухнама, Баткенские события, «Шанхайская пятерка».

Многие центральноазиатские государства, несмотря на древность истории своих народов, совсем недавно обрели суверенную государственность. Это поставило перед национальными элитами проблему объединения населения в единую нацию. Наиболее эффективный способ для этого — формирование представлений об общем прошлом и создание образа врага, прежде всего на страницах школьных учебников. По этому пути пошли практически все новые независимые государства.

По мнению исследователя Ш. Ганиева, в первые годы независимости (1990–1992) роль Москвы в учебниках трактовалась как прежде. Руководство выжидало, куда повернет кривая исторического процесса. Но уже «начиная с 1993–1994 гг. становится заметным преобладание идеи национальных приоритетов, нередко граничащей с национализмом» [2]. Почти все наиболее острые проблемы истории, в которых затрагивается роль России, в разных странах Центральной Азии трактуются одинаково.

Одной из основных тем, где появляется образ России, становится покорение Средней Азии и вхождение региона в состав России. Этот процесс авторы учебников называют «колонизацией нищей страны царской Россией» [8, *3*]. Если в советские годы было принято отмечать «мудрость» и «дальновидность» казахского хана Абулхаира, подготовившего «добровольное присоединение

© Лямзин А. В., 2010